ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 11 | 2025. Volume 18. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Синтаксис власти и синтаксис дипломатии: экспрессивные средства выражения приказа и просьбы в современной русской прозе

Ши Линь, Ерофеева И. Н.

Аннотация. Цель исследования – установить универсальные и идиостилевые особенности функционирования экспрессивно-синтаксических конструкций (ЭСК), выражающих приказ и просьбу в диалогах современной русской прозы, показав их вклад в формирование эмоционально-прагматического воздействия на адресата. Научная новизна заключается в обосновании оппозиции «синтаксис власти / синтаксис дипломатии» как двух системных способов выражения директивности и в типологизации восьми типов ЭСК (восклицательная конструкция, повтор, эллипсис, риторический вопрос, парцелляция, умолчание, коммуникема, инверсия) и их сочетаний, определяющих характер эмоционального и волевого воздействия в речи. Результаты исследования показали, что приказ реализуется преимущественно через восклицательные конструкции, повтор и коммуникему, а просьба – через повтор, умолчание и эллипсис; выявленные закономерности отражают идиостилевые различия авторов и специфику прагматической организации диалога в современной русской прозе, что подтверждает функциональную значимость экспрессивного синтаксиса в формировании коммуникативной стратегии произведения.

EN

Syntax of power and syntax of diplomacy: expressive means of command and request in modern Russian prose

Lin Shi, I. N. Erofeeva

Abstract. The aim of the research is to establish the universal and individual-style features of expressive-syntactic constructions realizing command and request in dialogues of modern Russian prose, demonstrating their contribution to shaping the emotional-pragmatic impact on the addressee. The scientific novelty lies in substantiating the opposition “syntax of power / syntax of diplomacy” as two systemic ways of expressing directivity and in typologizing eight types of expressive-syntactic constructions (exclamatory construction, repetition, ellipsis, rhetorical question, parcellation, reticence, communiqueme, inversion) and their combinations, which determine the nature of emotional and volitional impact in speech. The research findings showed that command is realized predominantly through exclamatory constructions, repetition, and communiqueme, while request is realized through repetition, reticence, and ellipsis; the identified patterns reflect the individual-style differences among authors and the specific pragmatic organization of dialogue in modern Russian prose, thereby confirming the functional significance of expressive syntax in shaping a work’s communicative strategy.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в развитии лингвистической науки, которые проявляются в усилении интереса к когнитивно-прагматическому и антропоцентрическому осмыслению языковых явлений, а также в стремлении установить закономерности взаимосвязи между синтаксической формой, смыслом и коммуникативным намерением говорящего (Софронова, 2023; Хамдамова, 2021). Изучение синтаксических структур в аспекте их экспрессивного и прагматического потенциала позволяет глубже понять механизмы речевого воздействия, специфику выражения эмоций и воли, а также способы реализации межличностных отношений в диалогической речи. Показательно, что в новейших работах экспрессивные синтаксические приёмы описываются сквозь призму их функционально-прагматических и дискурсивных ролей в современных жанрах коммуникации (Глазко, 2022). Подобные исследования способствуют не только выявлению универсальных механизмов коммуникативного поведения, но и определению индивидуально-авторских особенностей речевой организации художественного текста, поскольку экспрессивный

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250663

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

синтаксис тесно связан с когнитивными и культурными установками, отражающими мировидение человека и способы категоризации опыта.

Объектом исследования являются экспрессивно-синтаксические конструкции (ЭСК) в диалогах современной русской прозы, предметом – их коммуникативно-семантические и прагматические функции при выражении интенций приказа и просьбы. В центре внимания находятся особенности реализации директивности и специфика использования ЭСК для создания различных коммуникативных стратегий, что делает необходимым системное описание структурно-семантических характеристик конструкций и механизмов их сочетания.

Для решения исследовательских задач требуется:

– охарактеризовать структурно-семантические и прагматические особенности экспрессивно-синтаксических конструкций в контексте их эмоциональной и речевой нагрузки в современной русской прозе;

– определить типы комбинаций ЭСК и описать их функции в создании «синтаксиса власти» и «синтаксиса дипломатии»;

– выявить идиостилевые особенности реализации директивности в произведениях разных авторов.

При решении задач, определённых в работе, применяются следующие методы исследования: метод сплошной выборки используется для формирования корпуса анализа: из текстов четырёх романов извлекаются все диалогические фрагменты, содержащие экспрессивно-синтаксические конструкции (ЭСК), применяемые для выражения приказа и просьбы; метод количественного подсчёта позволяет устанавливать частотность отдельных типов ЭСК и их сочетаний в реализации волеизъявительных интенций, а также выявлять соотношение между различными структурами внутри каждой группы примеров; контекстуальный анализ используется для интерпретации функционирования ЭСК в конкретной речевой ситуации, определения их эмоционально-прагматической нагрузки и взаимодействия с лексическим окружением реплики; прагматический анализ применяется для выявления коммуникативных намерений говорящего, описания механизмов воздействия на адресата и разграничения стратегий «синтаксиса власти» и «синтаксиса дипломатии»; сравнительно-сопоставительный метод позволяет определять универсальные и идиостилевые особенности использования ЭСК в произведениях разных авторов, сопоставлять специфику реализации директивности и выявлять индивидуальные модели речевого поведения персонажей.

Материалом исследования послужили диалогические фрагменты четырёх произведений современной русской прозы: романов А. Иванова «Ненастье» (2015), Е. Водолазкина «Чагин» (2022), Е. Чижовой «Время женщин» (2018) и Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015). Общий корпус составил 278 примеров волеизъявительных интенций, среди которых 206 случаев выражения приказа и 72 – просьбы.

Теоретическую базу исследования составляют труды по теории речевых актов и прагматике (Austin, 1962; Searle, 1979; Brown, Levinson, 1987; Lakoff, 1973; Kádár, Haugh, 2013), исследования по экспрессивному синтаксису и стилистике (Кожина, 1983; Валгина, 2003; Шаховский, 2008; Вежбицкая, 2001; Кострова, 2004; Воробьёва, 2022; Стариченок, 2012), а также когнитивные и функциональные подходы к изучению языка (Арутюнова, 1999; Кубрякова, 2004; Чайко, 2020).

В исследовании используются понятия «синтаксис власти» и «синтаксис дипломатии» для описания двух противоположных стратегий реализации волеизъявительных интенций. Под синтаксисом власти понимается система экспрессивно-синтаксических конструкций и их комбинаций, характерных для выражения приказа и создающих эффект императивности, необсуждаемости и иерархичности (Austin, 1962; Searle, 1979; Арутюнова, 1999; Fairclough, 1989). Синтаксис дипломатии – система экспрессивных средств, используемых для выражения просьбы и формирующих эффект тактичности, смягчения, настойчивости и эмоциональной вовлечённости (Brown, 1987; Lakoff, 1973; Kádár, 2013). Эти понятия задают теоретические координаты анализа и позволяют описать прагматическую полярность способов выражения волеизъявления в диалогической речи современной прозы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в преподавании курсов по русскому языку, прагмалингвистике, стилистике и анализу дискурса, а также при разработке методик анализа экспрессивного синтаксиса в художественных текстах. Полученные данные могут служить основой для дальнейшего изучения коммуникативных стратегий в литературной речи и для построения типологии экспрессивных средств в диалогическом дискурсе.

Обсуждение и результаты

Перед анализом функционирования экспрессивно-синтаксических конструкций (ЭСК) в художественном диалоге необходимо обратиться к основным теоретическим положениям, определяющим статус экспрессивного синтаксиса в современной лингвистике. В отечественной традиции экспрессивный синтаксис понимается как особый уровень организации высказывания, на котором синтаксическая форма выполняет не только структурную, но и прагматическую функцию. Как подчеркивает М. Н. Кожина (1983), экспрессивные конструкции усиливают эмоционально-оценочный потенциал высказывания и функционируют как средство речевого воздействия. В. И. Шаховский (2008) рассматривает экспрессивность как проявление внутреннего эмоционального импульса речевого действия, что позволяет связать экспрессивные структуры с механизмами выражения субъективности говорящего.

С прагматической точки зрения важным является положение Дж. Остина (Austin, 1962) и Дж. Сёрла (Searle, 1979) о том, что иллокутивная сила высказывания соотносится со способом его синтаксического оформления. В рамках этого подхода директивные речевые акты реализуются посредством набора языковых маркеров, среди которых значимую роль играют синтаксические средства. Развитие функционально-прагматического направления приводит к пониманию ЭСК как механизмов актуализации коммуникативного намерения (Воробьёва, 2022) и формирования интонационно-семантической структуры высказывания (Стариченок, 2012). Антропоцентрический подход подчёркивает их связь с выражением эмоционального и волевого состояния говорящего (Арутюнова, 1999; Кубрякова, 2004).

Связь экспрессивных конструкций с прагматикой директивности подробно рассматривается в теориях вежливости и коммуникативных стратегий. Согласно П. Браун и С. Левинсону (Brown, Levinson, 1987), выбор синтаксической формы зависит от степени прямоты воздействия – стратегии усиления или стратегии смягчения. Эта идея соотносится с выводами Р. Лакофф (Lakoff, 1973) о роли смягчающих структур в выражении просьбы и исследованиями Д. Кадара и М. Хоу (Kádár, Haugh, 2013) по социальным механизмам вежливости. Именно эти положения формируют основу последующего анализа прагматических механизмов выражения приказа и просьбы в современной прозе.

Современная русская проза представляет собой продуктивный материал для изучения реализации волеизъявительных интенций в диалогической речи. Стремление авторов к эмоциональной насыщенности, выразительности и индивидуализации реплик персонажей делает ЭСК одним из ключевых инструментов формирования межличностного взаимодействия в художественном диалоге. В репликах персонажей экспрессивный синтаксис выступает не только средством передачи эмоций, но и способом создания коммуникативного давления или, наоборот, смягчения воздействия.

Для выявления закономерностей функционирования ЭСК был собран корпус из 278 примеров, включающий 206 случаев выражения приказа и 72 – просьбы. Количественный анализ позволил установить распределение типов ЭСК в пределах каждой интенции. Ниже представлены сводные данные (Таблица 1).

Таблица 1. *Частотность использования типов ЭСК в общем корпусе примеров*

ЭСК	Восклицательная конструкция	Повтор	Эллипсис	Риторический вопрос	Парцелляция	Умолчание	Коммуникема	Инверсия
Приказ	99 (48%)	28 (14%)	31 (15%)	18 (9%)	15 (7%)	2 (2%)	17 (8%)	7 (3%)
Просьба	17 (24%)	16 (22%)	8 (11%)	5 (7%)	2 (3%)	12 (17%)	2 (3%)	6 (8%)

Примечание. Процентные доли рассчитывались от общего числа фиксаций ЭСК в пределах каждой интенции. Поскольку в одной реплике могут сочетаться несколько ЭСК, суммарные значения по строкам могут не равняться 100%.

Для выражения приказа доминирующей экспрессивно-синтаксической конструкцией стали восклицательные конструкции (99 из 206 примеров, ≈ 48%). Они придают репликам высокую степень эмоциональности, усиливают императивность и категоричность высказывания. При выражении просьбы такие конструкции встречаются реже (17 из 72 примеров, ≈ 24%), однако выполняют сходную функцию – повышают экспрессивность речи и передают настойчивость и эмоциональную напряжённость говорящего. Они же выступают усилителем приказной формы высказывания, придают ему максимальную императивность. Здесь коммуникативная стратегия включает, помимо волеизъявления, эмоциональную направленность (гнев, осуждение, отчаяние и т. д.). Например:

(1) «Замолчи, Виктория!» (Иванов, 2015, с. 36). В данном примере совмещены интенции гнева и приказа. Используется восклицательная конструкция, придающая приказу очень резкую тональность. Форма обращения также является маркером гнева, так как в повседневном общении полная форма имени обычно не используется.

(2) «Птуха, с дороги!» (Иванов, 2015, с. 58). Перед нами – совмещение раздражения и приказа. Как мы видим, здесь также используется обращение, но уже не имя адресата, а его кличка, что указывает на бесцеремонное отношение говорящего к герою.

(3) «Прекратить истерику на берегу! – отчеканил Николай Иванович, не отрываясь от линии горизонта» (Водолазкин, 2022, с. 105): совмещение осуждения и приказа.

(4) «Йодом надо, йодом! – Евдокия к шкафчику кинулась» (Чижова, 2018, с. 170): совмещение беспокойства, заботы и приказа. В данном случае восклицание говорит о переживании за внучку, поэтому приказ становится смягчённым. Такая «смягчённость» и выражение заботы реализуются при помощи лексического повтора слова «йодом».

(5) «Сколько раз повторял: называть меня надо – товарищ председатель!» (Яхина, 2015, с. 91): совмещение гнева и приказа. В данной реплике героя интересно, помимо восклицания, использование инверсии («называть меня надо»), а также использование риторического высказывания («Сколько раз повторял»), что показывает очень сильное раздражение от того, что говорящего не слушали раньше и не запомнили его наставлений.

(6) «Тащите кресла из кинозала! – в упоении орал Серёга» (Иванов, 2015, с. 90): совмещение радости и приказа.

Следующие примеры показывают, что в просьбе восклицательное высказывание часто является побудительным по функции и указывает на значимость именно эмоциональной составляющей:

(7) «Умоляю вас – аспирин!» (Яхина, 2015, с. 154): совмещение страха как защитной реакции и просьбы. Данное выражение мольбы при помощи лексического маркера и синтаксической формы восклицательного высказывания служит для передачи чувства страха.

(8) «Нэ стрэляйте! – крикнул кто-то из кавказцев» (Иванов, 2015, с. 225): здесь также можно увидеть выражение чувства страха через реализацию интенции просьбы (мольбы) при помощи восклицательного высказывания.

Второй главной ЭСК для выражения интенции приказа в нашем исследовании является повтор (яркое средство выражения экспрессии и реализации лингвистической категории экспрессивности и смежных с ней категорий интенсивности, оценочности, эмоциональности (Радченко, 2013, с. 133)). Как отмечают многие исследователи (Кожина, 1983; Валгина, 2003; Стариченок, 2012; Воробьёва, 2022) экспрессивного синтаксиса, основная цель повтора заключается именно в особенностях его прагматической функции – в оказании активного эмоционального воздействия на адресата. Он эффективно усиливает императивность приказа и настойчивость, настоятельность просьбы:

(1) «Вали отсюда! – выстрел в стену. – Вали! – выстрел в стену. – Вали!!» (Иванов, 2015, с. 268): при помощи повтора реализуется выражение эмоции ярости и интенции приказа.

(2) «Только больше с нами не хитрите, – сказал он тихо. – Очень вас прошу. Очень» (Водолазкин, 2022, с. 40) (интенция приказа): интенция настоятельной просьбы, близкой к приказу. Здесь появляется оттенок убеждения, выраженный имплицитно.

(3) «Батюшки, – Евдокия замерла, – ты на тряпку, на тряпку-то глянь…» (Чижова, 2018, с. 83): через реализацию интенции побуждения при помощи побудительной конструкции (ты … глянь), осложненную неоконченным предложением и междометием («Батюшки») выражается эмоция испуга. Повтор в данном примере играет роль усилителя побуждения.

(4) «Встать! Всем встать, сволочи!» (Яхина, 2015, с. 178): повтор глагола «встать» в форме повелительного наклонения и обращение с эмоционально сниженной лексикой формируют агрессивный, властный тон, характерный для «синтаксиса власти».

В выражении интенции просьбы повтор становится маркером настойчивости или формой мольбы:

(1) «А справку-то, – помню, – справку?» (Чижова, 2018, с. 84): повтор существительного усиливает значение объекта просьбы и передаёт взволнованное ожидание отклика собеседника.

(2) «Ну-ка, Грушенька, – шепчет он тихо. – Ну-ка, яблонька моя…» (Яхина, 2015, с. 131): повтор частицы «ну-ка» смягчает повелительное значение, придавая просьбе ласковый, интимный характер. Обращение к собеседнице при помощи ласкового образного слова усиливает семантику просьбы.

Комбинация повтора с восклицательной конструкцией является одной из наиболее частотных при выражении приказа, поскольку усиливает эмоциональную и волевую направленность высказывания: «Отдайте детям кров! Отдайте детям кров! Отдайте детям кров!» (Иванов, 2015, с. 72); «Съешьте его, обязательно съешьте! – возбужденно шепчет Лейбе» (Яхина, 2015, с. 227). В обоих случаях повтор способствует нагнетанию эмоционального напряжения и делает высказывание более воздействующим, создавая ощущение безапелляционности и аффективной настойчивости.

Выделим эллипсис (пропуск легко восстанавливаемых элементов предложения) как третью из основных ЭСК. Это выразитель лаконичности и динамизма речевого высказывания, находящих особое применение в ситуациях актуализации интенции приказа: «Действуй. Иди» (пропущено обстоятельство направления движения – куда?; имплицитно: «туда, где он укрывается / к месту операции») (Иванов, 2015, с. 14). Особенно часто и полноценно он используется в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» для приказа (20 из 31 общего случая использования данной интенции в романе Яхиной) и просьбы (6 из 8 случаев реализации просьбы в тексте романа «Зулейха открывает глаза»): «Хворост сама принесёшь» (пропущено обстоятельство места – «в хату») (2015, с. 23); «На выход! С вещами» (пропущено сказуемое – «выходите») (2015, с. 23, 176) (совмещение приказа и злости). «Да понимаю я тебя, Ваня. И ты меня – постарайся» (пропущено сказуемое – «пойми») (2015, с. 166) (совмещение просьбы и грусти).

Комбинация эллипсиса с восклицательной конструкцией образует типичную модель «синтаксиса власти», и таким образом создаются предельно короткие, эмоционально яркие команды: «Вставай, женщина!» (пропущено обстоятельство места – «с лошади») (Яхина, 2015, с. 89); «Прыгай!» (пропущено обстоятельство места – «в воду») (Яхина, 2015, с. 252). Минимизм и динамика этих реплик усиливают воздействие, формируя импульсивную команду, где синтаксическая неполнота отражает эмоциональное напряжение и решительность героя.

Встречается и у других авторов, особенно для выражения приказа:

(1) «За мной!» (Иванов, 2015, с. 89) – приказ Германа Танюше, где опущено пояснение движения, что создаёт ритм срочного действия.

(2) «Ладно, – рукой махнула, – так помоюсь. Я уж сама потру, ты только слей» (пропущено «мочалкой» и «воду)» (Чижова, 2018, с. 102): эллипсис выражает уступку и усталость.

(3) «Я тут кое-что принес по нашей теме, – Вельский щелкнул замками портфеля. – Но сначала – Лялино сообщение» (пропущен глагол «послушаем») (Водолазкин, 2022, с. 38): просьба, оформленная сдержанно и дипломатично.

Также внимания заслуживают не такие частотные, но яркие примеры использования других ЭСК:

1. Риторический вопрос – стилистический прием, содержащий вопрос, который не предполагает ответа. Такой вопрос своим содержанием утверждает что-либо, выражает эмоциональное состояние говорящего, его мнение, сомнение, раздумье (Стариченок, 2012, с. 580). Он часто служит формой косвенного или ироничного

приказа: «Немец, поможешь девушке?» (Иванов, 2015, с. 58); «Задача ясна?» (Иванов, 2015, с. 112); «Слушаться меня, – говорит, – беспрекословно. Велено сидеть в лагере – сиди. Велю по ягоды идти – пойдешь. Ясно?» (Яхина, 2015, с. 341).

2. Парцелляция чаще используется для приказа (из общего количества), подчеркивая его поэтапность или дробность указаний. К числу наиболее распространённых приемов экспрессивного синтаксиса относится парцелляция – расчленение целостной синтаксической структуры одного предложения на фрагменты, интонационно-смысловые отрезки (Копнина, 2006, с. 279). Основная функция этого стилистического приема – экспрессивная функция. Она характерна для любого парцеллированного предложения:

(1) «Стоять, собаки! Кучней становись! Ровней! Крррасивей» (Яхина, 2015, с. 363): последовательные фрагменты команды создают эффект нарастающего давления, передавая гнев и властность.

(2) «Действуй. Иди. И держи связь с Дибичем» (Иванов, 2015, с. 14): короткие, расчленённые фразы задают ритм приказа и подчёркивают иерархичность ситуации.

(3) «Оставь меня, пожалуйста, ненадолго. Я хочу посмотреть, как всё будет выглядеть после меня. Дом, окно, весь мир. И бессмертник на окне» (Водолазкин, 2022, с. 158): парцелляция в просьбе создаёт интонацию замедленности и эмоциональной усталости.

3. Умолчание. Эта ЭСК является маркером «синтаксиса дипломатии», то есть она характерно преимущественно для просьбы. Многоточие передаёт недосказанность, такт, намек или эмоциональную напряженность просящего (например, эмоцию страха или выражение мольбы): «Я хочу попросить тебя, Володя… Если у меня не получится…» (Иванов, 2015, с. 221); «У неё же ребёнок…» (Иванов, 2015, с. 190).

4. Коммуникема. Преимущественно инструмент выражения приказа, эмоционально (негативно) насыщенного. Он выражает резкие, нечленимые команды, междометия-приказы, во многих случаях окрашенные злостью: «Потеряйся, утырок» (Иванов, 2015, с. 55); «Цыц, – Евдокия шикнула, – слезы-то после лить» (Чижова, 2018, с. 145).

5. Инверсия (нарушение привычного порядка слов) преимущественно фиксируется у Г. Яхиной: она маркирует разговорную экспрессию и фокусирует ключевой компонент директивы («Хворост сама принесёшь» (Яхина, 2015, с. 22) – приказ). У других авторов встречается эпизодически и локально, выполняя сходную функцию («С тем я пришла, чтобы отец дочери помог – инвалид она бессловесный» (Чижова, 2018, с. 238) – просьба).

6. Комбинационные модели. Для приказа типичны связки: (а) восклицательная конструкция + эллипсис («На выход! С вещами!» (Яхина, 2015, с. 176)); (б) восклицательная конструкция + повтор («Отдайте детям кров! …» (Иванов, 2015, с. 72)); (в) восклицательная конструкция + коммуникема («Лежать, твари!» (Иванов, 2015, с. 149)); (г) восклицательная конструкция + риторический вопрос («Ты не будешь на неё орать, понял?» (Иванов, 2015, с. 98)). Для просьбы характерны: (д) умолчание + повтор/восклицание («Умоляю вас – аспирин! …» (Яхина, 2015, с. 154)); (е) эллипсис + инверсия («Отпусти моего сына» (Яхина, 2015, с. 563)). Эти связки системно дифференцируют «синтаксис власти» и «синтаксис дипломатии», усиливая либо императивность, либо тактичное смягчение.

Исходя из анализа особенностей реализации тех или иных ЭСК, мы выделили следующие авторские особенности:

1. А. В. Иванов «Ненастье». Максимум примеров приказа, богатство ЭСК, особенно восклицательных конструкций, повторов, парцелляции, коммуникем. Просьба выражена в наименьшем количестве: «Кто тебя увидит? Возьми да сделай! – Марина говорила с вызовом, с двойным смыслом, с жаждой подчиниться беззаконию»; «Слезайте со стакана и валите!»; «Штрафную! Штрафную! – кричали девицы, усаживая новых гостей»; «Внимание на парковке! – голосом Быченко загремел из грузовика мегафон. – Даю две минуты свалить отсюда! Потом жжём тачки из РПГ!» «Полторы минуты! – оповестил Быченко по мегафону» (Иванов, 2015, с. 139, 140, 143, 147, 148).

2. Е. Г. Водолазкин («Чагин»). Относительно мало примеров, но разнообразные ЭСК для обеих интенций, включая умолчание в просьбе: «Вот придешь и узнаешь, – засмеялась Вера. – Придешь?»; «Передайте Вере…»; «А зарубежный… Не подсказывайте!» (Водолазкин, 2022, с. 35, 65, 73).

3. Е. С. Чижова («Время женщин»). Минимум примеров просьбы, в приказе упор на восклицательные конструкции, повтор, эллипсис, коммуникему. Стиль близок к разговорному: «Батюшки, – Евдокия замерла, – ты на тряпку, на тряпку-то глянь…» «А ну, – грозит, – марш в кровать! Тоже, взяла моду…»; «Позвольте в директорскую ложу…»; «С тем я пришла, чтобы отец дочери помог – инвалид она бессловесный» (Чижова, 2018, с. 100, 118, 156, 238).

4. Яхина («Зулейха открывает глаза»). Максимум примеров просьбы, широкое использование эллипсиса, инверсии, повтора, умолчания. Очень экспрессивный, динамичный синтаксис для обеих интенций: «Сегодня же принять дела по эшелону К-2437. Завтра – отправка!» (эллипсис и восклицание, приказ); «Слушаться меня, – говорит, – беспрекословно. Велено сидеть в лагере – сиди. Велю по ягоды идти – пойдешь. Ясно?» (приказ); «Очень вас прошу: телефонный номер два – тридцать пять. Просто скажите: от Павлуши Семеныча…» (просьба) (Яхина, 2015, с. 165, 341, 154).

Сопоставление частот и функций ЭСК в корпусе диалогов показало устойчивую дифференциацию двух стратегий выражения директивности. «Синтаксис власти» опирается преимущественно на восклицательные конструкции, повтор, коммуникему и их сочетания с эллипсисом, что повышает императивность и эмоциональную напряжённость приказа. «Синтаксис дипломатии» формируется за счёт умолчания, повтора и эллипсиса, которые смягчают побуждение и придают просьбе тактичный, иногда умоляющий характер. Наблюдаются отчётливые идиостилевые различия авторов в выборе и комбинировании ЭСК, влияющие

на силу и тип речевого воздействия. Эти положения задают основания для заключительных обобщений и подтверждают ключевую роль экспрессивного синтаксиса в моделировании межличностных отношений в художественном диалоге.

Заключение

В процессе выявления закономерностей совмещения коммуникативных стратегий при выражении волеизъявительных интенций (приказа и просьбы) посредством экспрессивных синтаксических конструкций (ЭСК) в современной русской прозе на материале четырёх романов были сделаны следующие выводы.

В ходе анализа выявлена принципиальная разница в функциональной нагрузке ЭСК при выражении интенций приказа и просьбы. Восклицательная конструкция выступает стержневым средством реализации приказа (48% случаев), обеспечивая его максимальную императивность и эмоциональную напряжённость. Для просьбы ключевыми средствами становятся повтор (22%) и умолчание (17%), передающие настойчивость адресанта и внутреннее эмоциональное напряжение участников коммуникации. Эллипсис (15% в приказе, 11% в просьбе) динамизирует высказывание, а парцелляция (7% – приказ) и коммуникема (8% – приказ) усиливают воздействие и придают речи экспрессивность. Риторический вопрос (9% – приказ, 7% – просьба) и инверсия (3% – приказ, 8% – просьба) выполняют функцию смягчения побуждения или передачи сомнения.

Комбинации экспрессивных синтаксических конструкций являются системообразующим фактором в реализации и дифференциации волеизъявительных интенций. Они формируют две модели директивности – «синтаксис власти» и «синтаксис дипломатии». Первая модель («синтаксис власти») характеризуется сочетанием восклицательных конструкций, повтора и эллипсиса, что усиливает категоричность и придаёт высказыванию императивный характер. Вторая модель («синтаксис дипломатии») основывается на комбинации умолчания, повтора и эллипсиса, которые смягчают побуждение, придают просьбе тактичный и эмоционально окрашенный характер. Количественный анализ показал прямую зависимость между выбором ЭСК и степенью речевого воздействия. Приказ реализуется через конструкции, создающие эффект безапелляционности и экспрессии, тогда как просьба опирается на средства, формирующие интонацию мягкого воздействия и эмпатию. Частотность ЭСК варьируется в зависимости от авторского идиостиля, что отражает прагматические различия тематик и художественных задач произведений.

Таким образом, экспрессивные синтаксические конструкции функционируют как эффективный инструмент создания полифоничного речевого акта, обеспечивающий не только выражение интенции (приказа или просьбы), но и передачу сложного спектра эмоций, отношений между персонажами и их коммуникативных стратегий. Выявленные закономерности демонстрируют значимость синтаксического уровня для реализации прагматических установок и формирования речевого воздействия в художественном тексте.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении корпуса анализируемых текстов, включении произведений различных жанров и авторских моделей, а также в сопоставлении полученных данных с материалом других национальных литератур для более глубокого изучения когнитивно-прагматических механизмов взаимодействия синтаксиса и интенциональности в художественном диалоге.

Материалы исследования | Research materials

1. Водолазкин Е. Г. Чагин: роман. М.: АСТ, 2022.
2. Иванов А. В. Ненастье: роман. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2015.
3. Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru (НКРЯ).
4. Чижова Е. С. Время женщин: роман. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018.
5. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза: роман. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2015.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Язык русской культуры, 1999.
2. Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 2003.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
4. Воробьёва Е. Н. Экспрессивный синтаксис в отечественном языкознании: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 4. https://doi.org/10.30853/phil20220159
5. Глазко П. П. Функционально-прагматические особенности синтаксических приёмов в жанрах медийного пространства США и Беларуси // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. № 1.
6. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983.
7. Копнина Г. А. Парцелляция // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2006.
8. Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2004.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке… М.: Языки славянской культуры, 2004.

10. Радченко И. И. Повтор как средство реализации лингвистической категории экспрессивности в тексте газетной статьи // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1 (73).
11. Софронова Л. В. Прагматика экспрессивных синтаксических конструкций в турецком политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2023. № 4 (100).
12. Стариченок В. Д. Приёмы экспрессивного синтаксиса // Современный русский литературный язык / под ред. В. Д. Стариченка. Мн.: Вышэйшая школа, 2012.
13. Хамдамова Д. Принцип антропоцентризма в современной лингвистике: обзор, предпосылки и тенденции развития // Общество и инновации. 2021. Т. 2. № 5/S. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol2-iss5/s-pp221-227
14. Чайко Н. Н. Средства создания экспрессивного синтаксиса в текстах немецкой поэзии // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 5. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-5-372-384
15. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
16. Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1962.
17. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
18. Fairclough N. Language and Power. L.: Longman, 1989.
19. Kádár D., Haugh M. Understanding Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
20. Lakoff R. The Logic of Politeness // Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973.
21. Searle J. R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Информация об авторах | Author information

RU

Ши Линь[1]
Ерофеева Инна Николаевна[2], к. пед. н., доц.
[1, 2] Санкт-Петербургский государственный университет

EN

Lin Shi[1]
Inna Nikolaevna Erofeeva[2], PhD
[1, 2] Saint Petersburg State University

[1] *lin439327393@gmail.com,* [2] *inerof2018@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.11.2025; опубликовано online (published online): 24.11.2025.

Ключевые слова (keywords): экспрессивные синтаксические конструкции; выражение директивности; синтаксис власти; синтаксис дипломатии; приказ/просьба; expressive syntactic constructions; expression of directivity; syntax of power; syntax of diplomacy; command/request.